

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001

ББК 71.4

Г 22

Н.К. Гасанова,

докторант Московского государственного университета культуры и искусств, кандидат психологических наук, г. Москва, тел.: 8-909-923-03-04, 8-944-267-04-58

Европейский мультикультурализм VS Русский мультикультурализм: кросс-культурный анализ (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается российская специфика проблематики «мультикультурализма» в сравнении с европейской. Обосновано введение термина «русский мультикультурализм». Дано рабочее определение «мультикультуральности», «мультикультурализма».

Ключевые слова: мультикультурализм, русский мультикультурализм, мультикультуральность.

N.K. Gasanova,

Doctoral Candidate of Moscow State University of Culture and Arts, Candidate of Psychology, Moscow, tel. : 8-909-923-03-04, 8-944-267-04-58

European multiculturalism vs Russian multiculturalism: a cross-cultural analysis

Abstract. The article considers the Russian peculiarities of the problems of «multiculturalism» in comparison with the European. The introduction of the term «Russian multiculturalism» is justified. The working definition of «multicultural» and «multiculturalism» is given.

Keywords: multiculturalism, Russian multiculturalism, multicultural.

В российском научном дискурсе, по мнению отечественных учёных, расстались со старой и малопродуктивной установкой утверждать себя в качестве непререкаемых обладателей истины и конфронтировать со всеми другими, отличными от нас направлениями научной мысли. Более продуктивным оказалось видение себя как части мирового культурологического процесса.

Употребление термина «мультикультурализм» до недавних пор даже в целях теоретизирования вызывало возмущение в российском научном дискурсе. Это было, на наш взгляд, реакцией на европейскую политическую трактовку данного понятия, и следствием её персеверации как «теории,

требующей/отстаивающей уравнивание мигрантов в правах с коренным населением», как концепции, «направленной на ликвидацию национальных культур» и др. Методологическим следствием этого стало провозглашение «войны «мультикультурализму», появление дискуссионных площадок на тему «ненужности нам «мультикультурализма», молодёжных акций, принимающих форму конфликтов. Конечно, «такой мультикультурализм нам не нужен». Но он есть. Даже — в модусе его непризнания. И это требует внимательного изучения, так как российская нация, формирующаяся в новых политико-географических условиях, обладающая признаками «многосоставной/

гибридной идентичности» [6], рассматривается иногда в ракурсе «мультикультурализма» европейского образца, проблематизирующего вопросы «межнационального взаимодействия» (или «взаимодействия культур»). В отечественном научном дискурсе термин «мультикультурализм» является пока недостаточно тонко отрефлексированным дискуссионным понятием, и верифицированным концептом. Однако этот активный тренд опережающими темпами внедряется в отечественные обществоведческие теории, методологию исследований, и, как ни парадоксально, — в практику культурной политики, хотя он не всюду одинаковый и в большой степени зависит от того, каковы его несущие институты. Анализ литературы показывает, что можно провести демаркацию между двумя полюсами в этих подходах: 1) «европейский мультикультурализм» (со всеми его нюансами) и 2) «русский мультикультурализм».

Отличительные особенности «русского мультикультурализма» характеризует ряд параметров.

1. С нашей точки зрения, экзистенциальной сущностью «мультикультурализма» является мультикультуральность, формировавшаяся в ходе расселения через диффузию культур, параллельно с развитием прогресса и цивилизации. Временем зарождения мультикультурализма, как социокультурной реальности, мы считаем начало расселения, а не время начала активного использования термина в политической лексике современности [1]. «Мультикультуральность», это характеристика общества как структуры культурно неоднородной (например, как засушливость — характеристика географической зоны, периода, климата и т.п.). Термином-предшественником «мультикультуральности», и ныне параллельно действующим в русскоязычной лингвокультуре, является «многонациональность».

2. Институт перманентной многоэтничности («многонациональности») нации, как историческая данность, всегда присутствует в модусе «фигуры

умолчания» в нашем обществоведении. Мы не ставим вопрос, «до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и когда к нему можно перестать относиться терпимо», так как проблема видится совершенно в ином: в «культурализации» (автор термина К. Клакхон) социальных, экономических, политических вопросов. Американец Тим Керби [4] повествованием о своём личном опыте «гастарбайтерства» в России продемонстрировал всему интернет-пространству, как практически происходит эта культурализация политико—экономических проблем в одном конкретно взятом российском мегаполисе, и как выглядит в глазах иностранца российский «мультикультурализм» (не «русский мультикультурализм»), через свои впечатления от одной из предвыборных кампаний. «Судя по высказываниям кандидатов, все ненавидят гастарбайтеров, они в Москве нежеланны». Но Т. Керби видит иное: «люди в Москве гастарбайтеров любят, и очень сильно, потому что без них Москва была бы ужасным и грязным городом. Гастарбайтеры — это, практически, рабы, и это рабство в двадцать первом веке осуществляется на наших глазах. Практически, каждый встреченный вами таджик — крепостной». Т. Керби высказывает эпатажное предложение — «выгнать гастарбайтеров», но затем его нивелирует, — это потому, что ему непереносимо видеть наличие рабства. «Я не хочу жить там, где существуют люди «второго сорта», приравненные по правам к коровам или курицам. Мне бы хотелось жить в городе, где есть условия для жизни действительно всех людей. Где есть собственный сильный рабочий класс, не допускающий импорта рабов».

По его мысли, проблема гастарбайтеров возникла исключительно по причине их востребованности в качестве рабов. «Люди любят гастарбайтеров, они хотят, чтобы они были здесь, — просто не хотят, чтобы их было видно». Как быстро приобретаются навыки рабовладения. Такой «мультикультурализм» нам, конечно, не нужен.

3. Как набор определённых теорий и практик для осмысления культурной неоднородности обществ (как дискурсе) «мультикультурализм» связывается не только с вопросами структуры общества и миграции, а с широким спектром культурных феноменов: искусство, наука, философия, литература, политика, медицина, радиоэлектроника, кибернетика e.t.c. Мультикультурализм — самость мультиплекс: это и доктрина программного содержания, и философская теория человека и мира, и видение человеческой жизни в искусстве, политике, науке, и разновидность практик культурной политики, это и социокультурная реальность, и дискурс по поводу этой реальности. Иллюстрацией этого тезиса может послужить ряд примеров.

В монографии «Истории болезни» профессор Броди Х. [10] говорит о нарративном повороте в области медицины: о совместном творении врачом и пациентом истории болезни; о необходимости согласования между медицинским отчетом и рассказом пациента о заболевании, как процедуре обладающей лечебным потенциалом, в особенности для хронических больных. Дидактически значимым он считает решение соединить безличное для студентов научное знание с индивидуальной реальностью течения болезни. Для достижения лечебных целей предлагается привлечь психоаналитические практики, а именно — историю болезни использовать для придания смысла личным переживаниям и соотнесения их с концепциями общества и культуры. Автор описывает сложности нарратива в ситуации живой коммуникации и его связь со всем культурным контекстом, с культурными прототипами историй. Тем самым эксплицируется мультикультуральность, интертекстуальность лечебных практик.

4. К дискурсу «русского мультикультурализма» относим исследование, проведённое Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, в отношении восприятия термина «толерантность», так как в нашем представлении именно

так понимаемая толерантность фундирует «русский мультикультурализм». Как выяснила группа Л.М. Дробижевой, под толерантностью некоторые эксперты подразумевали свойство не замечать национальную принадлежность индивидов, другие считали, что иноязычный термин нужно заменить каким-то русским словом, например, — «терпимость». Представители духовенства предлагали говорить о «любви друг к другу». Эти и другие определения толерантности не прижились. Лучше всего воспримется, как выяснилось, определение толерантности как готовности принять человека другой культуры, уважать эту культуру в пределах закона, если же элементы поведения или культуры выходят за пределы правового поля, тогда их принять нельзя. Сделан вывод: «говоря о толерантности, представителям разных этнических групп вовсе не обязательно любить друг друга, но уважать — обязательно» [2].

5. Литературоведческая категория «текст» является также и понятием культурологическим. Согласно культурологической трактовке, большинство текстов мультикультурально. Любой текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат — «поле пересекающихся дискурсов». Маркером этого служит категория «**интертекстуальность**», означающая, что в любом тексте присутствуют тексты предшествующей и окружающей культуры, паттерны старых культурных форм, идиом. Это становится возможным, поскольку все они поглощены текстом и перемешаны в нем, а текст погружен в язык. Язык не принадлежит кому-то одному. 5) Одним из принципов «русского мультикультурализма» является представление о том, что интертекстуальность служит основанием «мультикультурности» и «мультикультурализма». Интертекстуальность представляет собой мозаку из частей, происхождение которых не всегда известно; из автоматических, бессознательных цитаций, даваемых без кавычек.

В современной литературе проявлением интертекстуальности является

???

аллюзия — намёк, «чужое слово», к месту приведённая цитата, которой придан смысл, какого она первоначально не имела. К нынешнему времени сложилось понимание того, что любой текст является одновременно и авторским произведением и интертекстом. Интертекст растворяет авторство и сознание личности в потоке других сознаний. В лингвистике это считается последствием влияния одного языка на другой.

Примером интертекстуальности в музыке является творчество Карла Орфа, написавшего произведение («Кармина Бурана», 1937) по сборнику стихов/песен эпохи Возрождения, о котором композитор сказал: «Всё, что написано мной до этого, можете выкинуть. «Кармина Бурана» — это моё собрание сочинений». Оригинальный манускрипт 17 века, найденный в немецком монастыре в начале 19 века, содержал ноты и стихи вагантов и странствующих монахов. Композитор выбрал 24 песни и написал к ним собственные мелодии, смешав разные стили. Либретто кантаты включает стихи на латинском и на средневерхненемецком языках. В нём представлен широкий круг светских тем, актуальных во все времена: «непостоянство удачи и богатства, быстротечность жизни, радость возвращения весны и удовольствие от пьянства, обжорства, азартных игр и плотской любви». Фрагменты этого произведения вошли в репертуар современных исполнителей (Оззи Осборн, Enigma) и стали хитами. Темы К.Орфа звучат в качестве саундтреков в кино, театральных постановках, ток-шоу и рекламных роликах. Кантату ставили на самых больших площадках Европы. А в Бразилии поставили прямо на пляже, и с побережья спектакль наблюдали более ста тысяч человек. В Москве «Кармина Бурана» исполнялась множество раз и разными коллективами, но именно как кантата для хора. В 2013 году американско-китайский хореограф Шен Вей представил в Санкт-Петербурге (при участии хора и симфонического оркестра Мариин-

ского театра) новое музыкально-хореографическое прочтение кантаты [3].

Использование нами определения «русский» для презентации инновационной трактовки дискурса «мультикультурализма» имеет свои основания. *Первое.* Перепись (2010) показала наличие 193 этносов, 276 диалектов в Российской Федерации, при этом рефлексия над «мультикультурализмом» осуществляется на основе русскоязычной лингвокультуры. Она является базовой для 98% населения России, где каждый гражданин (Конституция Российской Федерации ст.26, п.2) «имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», тем не менее, русский язык назвала родным 4/5 населения Российской Федерации. И самоидентификация россиян по большей части также происходит именно на этой общей основе. (Наиболее распространенными среди других языков являются: английский, татарский, немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский). *Второе.* В России образование во всех кластерах строится на основе русского языка, цивилизационная роль которого не оспаривается. *Третье.* «Русские» — это психологически артикулированный транскультурный фрейм российской нации, который мы визуализировали. *Четвёртое.* Русский язык, русскоязычная лингвокультура, включающая всю палитру российской многонациональности, — это узнаваемая визитная карточка экспорта российского образования, основа устоявшегося визуального образа России в мире.

Как известно, ничто не создается с абсолютно чистого листа, у любой новой идеи всегда есть свои предпосылки. Человек, взаимодействуя с информацией, полученной из различных источников, в том числе, от своей репрезентативной системы, дорабатывает ее в своем сознании. Создается некое целостное восприятие объекта, несводимое к свойствам суммы составляющих ее элементов. Такое целостное восприятие называется «гештальтом». Схематически это выглядит просто:

обнаруженное новое явление мысленно включается в старые связи и отношения путём их реструктурирования и придания им прегнантности. Прегнантность — одно из ключевых понятий гештальтпсихологии — означает приобретение гештальтом завершенности. Согласно этому принципу, восприятие идей и форм имеет тенденцию к более определенной структуре, более симметричной, более устойчивой, более простой и более значимой [7].

6. Это стремление к достраиванию нового эффективного гештальта жизни общества на фоне элиминации прежних — построения «коммунистического общества — коммунизма», реализации «кодекса строителя коммунизма» и характеризует интенции «русского мультикультурализма». Гештальты (начиная с уваровской триады, и поздних — «интернационализм», «межнациональные взаимоотношения», «дружба народов», «национализм» и др.), пройдя переоценку на релевантность новым социокультурным реалиям, служат строительным материалом для культурологического ready-made нового текста — «русского мультикультурализма».

7. Мультикультуральность свойственна всем основным культурным текстам, однако в «европейском мультикультурализме» существование мультикультуральности и мультикультурализма связывается исключительно с проблемами миграции и поэтому считается предикатом политики государства. Варианты решения возникающих проблем предлагаются по примеру сформулированной профессором Лондонской школы экономики Ч. Кукатасом концепции «либерального мультикультурализма». Ч. Кукатас пытается построить модель государства, опираясь на теорию классического либерализма, и предлагает решение проблемы бесконфликтного сосуществования разных культурных традиций в рамках одного государства через «обеспечение чёткими и устраивающими всех правилами общежития» (имеются в виду мигранты). Осознанно отчуждены вопросы «коренных народов». «Во многих странах есть и так называемые «коренные»

народы, и потому там, даже без учета мигрантов, существуют культурные различия. Тем не менее, это многообразие возникло именно после прибытия первых «чужаков». Проблема мультикультурализма, считает Ч. Кукатас, возникает именно из-за того, что многие люди хотят остаться в стране, в которую приехали [5].

В немецкоязычном пространстве введение в язык научных исследований терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» считается заслугой Хайнера Гайсслера, руководившего в своё время партией ХДС (авторы термина и теории мультикультурализма — Г. Маркузе и И. Берлин). Первыми пропагандистами мультикультурализма выступили представители промышленного капитала, озабоченные ухудшением ситуации на рынке труда. Мультикультуралистский дискурс имел инструментальный характер и в других европейских странах. «Мультикультурализм», очевидно, заполнил одну из лакун в немецкой лингвокультуре — отсутствие термина, приемлемого для обозначения культурной плюральности в связи с появлением нового кластера населения — иностранных рабочих, постепенно осевших здесь; навыка совместной жизни в этих условиях. В учебниках по истории, в практиках культурной политики, а значит и в массовом сознании (оно является единственной реальностью социума) не сохранилось нужного количества сведений о том, что когда-то германская нация состояла из множества племён. Согласно закономерностям сохранения/забывания, если информация сохраняется только в кратковременной памяти, не трансформируется в долговременную, она быстро «стирается». В долговременную память она переводится в том случае, если существует в доступном для чтения и воспроизведения формате. В психологической, медицинской литературе описано множество примеров, показывающих, что мнемическая деятельность предполагает осознанное подкрепление, даже в ситуациях, относимых не к психологическим, а физиологическим феноменам.

Здесь можно привести пример, касающийся деградации кинестетической памяти. Космонавт Анатолий Иванисин, вернувшись с Международной космической станции (2012), рассказал на пресс-конференции о своих ощущениях после посадки на Землю. «Когда надо было пройти от спускаемой капсулы до палатки десять метров, у меня возникло ясное ощущение, что я иду в первый раз. Это очень необычное ощущение, я был абсолютно не в состоянии идти».

8. В российской культуре, благодаря сохранности исторического основания, — феномена существования более ста народов на протяжении всей истории, — сохранились и навыки совместной жизни, и диспозиции для эволюции терминов, обозначающих немонолитность нации. Поэтому постсоветское массовое сознание воспринимает термин «мультикультурализм» в преломлении через завершённые/незавершённые гештальты, имея при этом в перспективе не «мозаичный», (недостаточно единый), не «толерантный» (чуждый друг другу), а сохранивший некий общий этос единый народ (можно сказать и «мультикультурный»).

Несколько в стороне от линии «русского мультикультурализма» располагаются представления группы экспертов, собравшейся на дискуссию, инициированную тем, что «в условиях всеобщей открытости развитые государства одновременно сталкиваются с наплывом трудовой миграции и с невозможностью ассимилировать представителей другой культуры» [8]. В центре дискуссии вопрос, который назван самым «острым и актуальным сегодня»: «Почему не работает политика мультикультурализма?» Задача поставлена весьма актуальная — как не допустить общественных взрывов, и вопрос построен интересно — в логике «матрёшки». В модусе озабоченности в нём куммулятивно содержится и диспозиция к ответу на вопрос (о мигрантах!): «почему невозможно ассимилировать представителей другой культуры». В этой озабоченности психологически артикулирована задача

— «ассимилировать». Прямо указано главное действующее лицо — государство: «почему не работает политика?». Указана мотивация выбора ассимиляции как инструмента: «Как же иначе повышать уровень реальной толерантности? В такой констелляции вопросов и ответов обнаруживаются методологические погрешности, они же и наиболее распространённые.

Прежде всего, дискуссия сфокусирована на теоретико-методологических возможностях «мультикультурализма», релевантность которого для решения задач политики в отношении мигрантов не верифицирована. Второе, если тема сфокусирована на том, что «развитые государства одновременно сталкиваются с наплывом трудовой миграции и с невозможностью ассимилировать представителей другой культуры», а теоретико-методологическая основа априори установлена («мультикультурализм»), то дискуссия может касаться лишь конкретики: возможно ли *ассимилировать* мигрантов? Какими методами (*ассимилировать* мигрантов)? Если «мультикультурализм» работает («само-собой-разумеется») на *ассимиляцию* мигрантов, то вопрос может касаться только пересмотра методологического основания. На Западе взаимодействие народов («взаимодействие культур»), строится на принципах морали: «живите, как хотите, только не трогайте нас». Это и есть основной тезис «европейского мультикультурализма». Надо ли вопрошать, почему этот принцип не работает в российских реалиях?!

Кого и во что мы хотим ассимилировать? Мигрантов ассимилировать в «тело» нации, принижая их до роли рабов, а самим попутно уподобляться варварам? Уже дозволено провозглашать с общественной трибуны (телевидение): «оставить мигрантам их права на некоторые «санитарные нормы, и эксплуатировать как рабов». Есть и более радикальные предложения, возвращающие нас в эпоху «резерваций» и «скальпов».

По мнению отечественного политолога Л.В. Полякова, «термин «муль-

тикультурализм» недостаточно удачен для обрисовки ситуации, которая сложилась в России, так как он описывает ситуацию в Западной Европе и в США, где существовала реальная проблема интеграции репрессированных меньшинств. Мультикультурализм пришел туда как способ восстановления в этих меньшинствах человеческого достоинства. Мультикультурализм означает, что в противовес некой доминирующей культуре *создается* множество маленьких культур для того, чтобы достичь в государстве некой финальной социальной справедливости» [9]. Ключевым в этом определении является слово «создаётся», указывающее на представление автора о «недавности и рукотворности» «множества маленьких культур» о возможности специально сотворить этот феномен. «Нужно искать какие-то свои замещения», и, предложив вместо «мультикультурализма» термин «интеркультурализм», вновь сомневается: «Но это опять-таки западная калька». Резюмирующая часть мнения преподавателя высшей школы изумляет: «Если говорить о мультикультурализме в России, следует **принять** тезис о том, что русские изначально были господствующей

щей культурой, которая доминировала и подавляла все остальные. И теперь нам предстоит **решить** ту задачу, которую в свое время решали американцы и европейцы».

Хотя это мнение принадлежит представителю российской науки, оно диаметрально противоположно теоретико-методологическим основам понимаемого нами «русского мультикультурализма». Российская социокультурная реальность такова, что нет необходимости возвращаться в дикость, декларировать и пытаться реализовать лозунги и политику национал-социализма. У нас есть ресурс для последовательного рассмотрения возникших проблем и решения практических задач, не меняя генерального курса своего развития, понимание цели. История учит, как говорит П. Куртц, если дорогие нам убеждения не обретают своих социальных воплощений, не институциализируются, то они не будут иметь влияния и могут потеряться для человечества. Одной из таких цивилизационных ценностей, требующей научной и общественной поддержки в настоящее время оказывается мораль человеческого общества.

Примечания:

1. Гасанова Н.К. Лингвокультурологический анализ мультикультурализма // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №11 (53). С. 16-23.
2. Дробижева Л.М. Термин «толерантность» был изначально дискуссионным: выступление в пресс-центре РИАН 12 ноября 2013. URL: http://rus4all.ru/round_tables/20131112/724636127.html.
3. Кенигсберг А. Орф. «Кармина Бурана». История создания. URL: <http://belcanto.ru/or-orff-carmina.html>
4. Керби Тим. О терпимости к рабству. Почему проблема гастарбайтеров не решена. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_32170/.
5. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А.В. Куряева. М.: Мысль, 2011. 482 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/671239/>.
6. Низамова Л.Р. Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 4.
7. Оксфордский словарь по психологии. 2002. URL: lovari.yandex.ru/прегнантность/значение.
8. Почему не работает политика мультикультурализма?: открытая дискуссия // Россия в глобальной политике: электронный журнал. 2013. URL: <http://www.globalaffairs.ru/event/Otkrytaya-diskussiya-Pochemu-ne-rabotaet-politika-multikulturalizma-16195>.
9. Поляков Л.В. России не подходит термин «мультикультурализм». URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:cmuuUd4FHIQJ:actualcomment.ru/theme/1959/%3Fcomment%3D23993+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.
10. Brody, Howard. Stories of Sickness. Yale University Press, 2003.

References:

1. Gasanova N.K. Linguocultural analysis of multiculturalism // *Etnosotsium and ethnic culture*. 2012. №11 (53). P. 16-23.
2. Drobizheva L.M. The term «tolerance» was initially controversial : speech, the press center RIAN November 12, 2013. URL: http://rus4all.ru/round_tables/20131112/724636127.html2.
3. Kenigsberg A. Orff. « Carmina Burana ». History of creation. URL: <http://belcanto.ru/or-orff-carmina.html>
4. Tim Kirby. About tolerance for slavery. Why is the problem of migrant workers has not been solved. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_32170/
5. Kukatas Ch. Liberal Archipelago. The theory of diversity and freedom /transl. from English. H. Edelman; under scientific. Ed. A.V. Kuryaeva. M. : Thought 2011. 482 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/671239/>
6. Nizamova L.R. Minority assimilation and multiculturalism : the experience of Russia and the United States // *Proceedings of the Kazan State University. Humanities*. 2008. T. 150, Vol. 4.
7. Oxford Dictionary of Psychology. 2002. URL: lovari.yandex.ru/прегнантность/значение.
8. Why does not the policy of multiculturalism work? : Open discussion // *Russia in Global Affairs : e-zine*. 2013. URL: <http://www.globalaffairs.ru/event/Otkrytaya-diskussiya-Pochemu-ne-rabotaet-politika-multikulturalizma-16195>.
9. Polyakov L.V. Russia does not fit the term «multiculturalism». URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:cmuuUd4FHIQJ:actualcomment.ru/theme/1959/%3Fcomment%3D23993+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.
10. Brody, Howard. *Stories of Sickness*. Yale University Press, 2003.